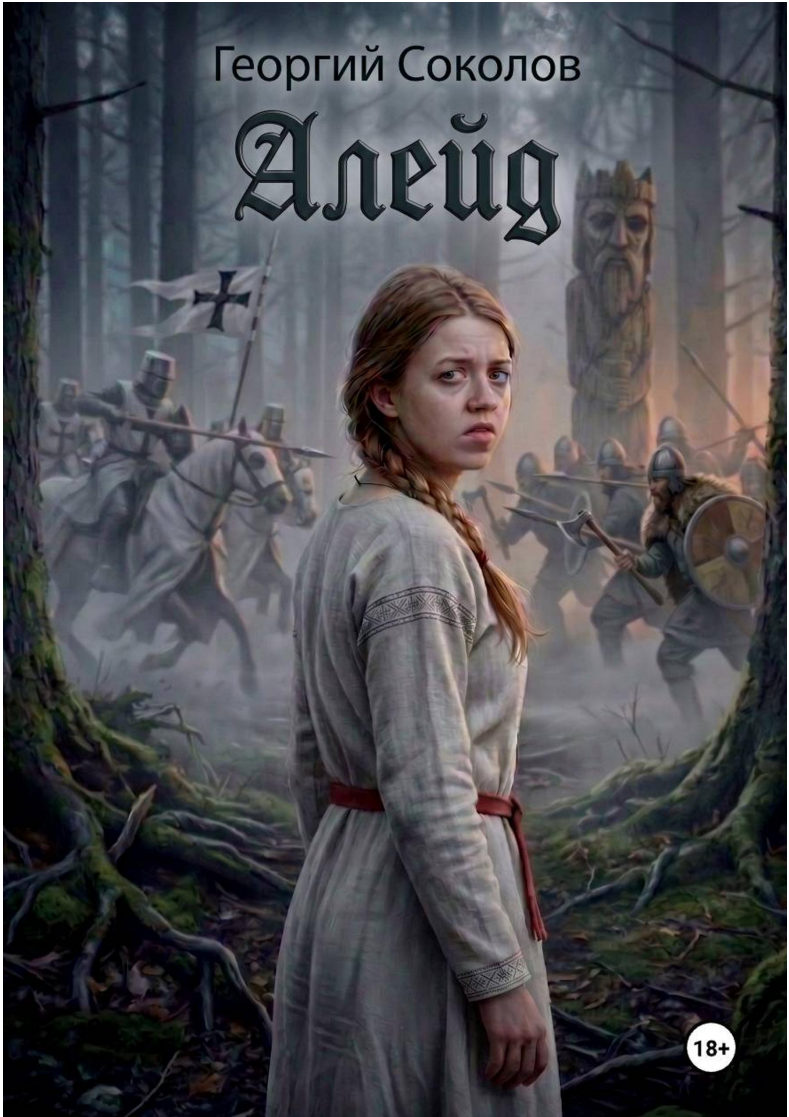

Георгий Соколов
Алейд
18+

Георгий Соколов
Алейд

https://litres.ru/73886798
SelfPub; 2026

Аннотация

Он не должен был оказаться здесь.

XIII век. Пруссия — земля тёмных лесов, болот и бесконечной войны. Орден возводит крепости среди враждебной тьмы, а языческие племена отвечают огнём и кровью.

Алексей попадает в чужое время, где ошибка стоит жизни. Чтобы выжить, ему придётся стать своим среди тех, кто не прощает слабости.

Но именно здесь он обретает то, ради чего человек способен изменить судьбу. AN_AT2026

Содержание

Наблюдатель	4
Когда птицы умолкли	13
Падение госпожи Адельхайд	21
Участник	30
Реанимация	37
Явление в Кройцбурге	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Георгий Соколов
Алейд

Наблюдатель

Развалившись в анатомическом кресле, я равнодушно прислушиваюсь к жужжанию фильтров. Воздух внутри автономного жилого модуля идеален: двадцать два градуса, ионизация, запах чёрного кофе. За стенами, в двух метрах — болотная жижа XIII века, если верить координаторам.

На большом мониторе транслируется видео с дронов и скрытых камер наблюдения: крупное натангское поселение, две сотни человек. Бытовуха, как всегда дымят костры, кто-то точит копьё, кто-то чистит шкуру. Вчера староста бил сына ремнём за воровство.

Фиксирую и снабжаю лаконичным комментарием:

«Проявление воспитательного насилия как социальной нормы. Поведение типично.»

Бог из машины. Скучающий бог.

Я уже многих запомнил в лицо — и ни одно из этих лиц не вызывает у меня интереса. День за днём одни и те же крики, да идиотские песнопения, которые раздражают, как вопли пьяниц под окнами многоэтажки, где жил когда-то...

Здесь мне нравятся разве что натангские девушки. Весёлые, загорелые. Я бы не отказался позажигать хоть с какой из них. В переносном смысле, конечно. А то зажигать натанги любят. Особенно людей. Во славу Перкуна или, например, Потримпо...

В остальном моя кандидатская практика — сплошная рутина и тоска.

«Всю жизнь не везёт!» — размышляю в унынии. — «Кому-то Древний Египет времён Эхнатона, кому-то майя, кому-то Понтий Пилат... А вам грязное, убогое Средневековье. Нате кушайте!»

За две недели ни одного нестандартного события! Ну кроме человеческих жертвоприношений, разумеется. Впрочем, и они выглядят чем-то отдалённым, меня не касающимся и уже приевшимся.

Наливаю ещё кофе из кофеварки и, зевая, проверяю журнал дронов. Один аппарат, патруль «Дельта-2», шлёт тревожный пинг.

Дисплей мигает: “Внеплановая активность. Координаты 54°21'...”

Очень хочу проигнорировать — очередной тупой сбой на фоне дождя. Но что-то кажется странным.

Открываю канал.

На экране — дрожащая картинка с высоты пятидесяти метров. Размокшая от дождей, рыхлая от конских копыт дорога вдоль леса. Натанги, со значительным численным пре-

имуществом, громят небольшой тевтонский конвой, следующий с побережья в сторону Кройцбурга.

— Ну наконец-то! ЭкшОн! — кусаю губу и переключаю дрон в ручной режим. С интересом увеличиваю изображение, наблюдая за отдельными рукопашными схватками.

— На тебе... На... Давай! Давай! Ну так ты не спасёшься, бро... Справа его бей! — подбадриваю бойцов, словно речь идёт о драке pop MMA, а не о жизни и смерти.

Фигуры лихо машут мечами и топорами, однако столкновение быстро заканчивается, рассыпав в придорожной траве два десятка мёртвых тел. Принцип «трое на одного» тут считается более чем справедливым.

С удовольствием отхлёбываю горячий, ароматный кофе. Тепло жареных зёрен арабики растекается во рту. Но вдруг замечаю странное...

— А это что за хмырь? Вроде шмотки европейские, но его даже пальцем не тронули. Странно... О... и тётенька тут. Чё так грубо с ней? Попала ты, тётя... А вон вторая. Платьишко поскромнее, — неуверенно комментирую вслух.

Пообнимавшись с европейским господином, предводитель отряда натангов и его бойцы двигают в лес по направлению к деревне. Женщину — или, скорее, девицу, по виду аристократку — грубо волокут за локоть.

— Хотя бы на коня посадили... Что за черти! Она же все ноги обдерёт. Куда от вас денется? Далеко не убежит, а если убежит — волки сожрут... Вон вторую сразу связали и на

лошадь взвалили.

Дроны начинают засыпать меня уведомлениями. В деревне разворачивается бешеная активность. Рядом с каменным алтарём вкопали столб, быстро и слаженно начинают возводить деревянный помост. Украшают идолов Перкуна, Потримпа и Патолло. Натягивают ритуальные полотна. Сами натанги принаряжаются, поют, пляшут.

Под аккомпанемент рогов в деревню с юга въезжает большая группа всадников — жрецов вайделотов и, по-видимому, каких-то знатных персон.

— Ещё один спектакль, — бурчу я, пытаясь оставаться спокойным. — Тренинг по общественной сплочённости. Сожгут кого-то, попоют, разойдутся.

Переключаюсь на другой дрон — тот, что сопровождает европейского господина. Увеличиваю масштаб.

Девица... молодая, бледная, в дорогом платье... Она и не собирается ни от кого убегать. Видимо, пребывает в глубоком шоке. Вертит заплаканным личиком по сторонам. Пытается нелепо улыбаться.

— Не красавица… Но в целом миловидная, — автоматически отмечаю я, увеличив картинку на максимум.

Меня тут же прошибает страшная догадка.

— Тебя что ли жечь собрались?

«Придётся всё это созерцать и фиксировать. Ну а что сделаешь? Я лишь учёный историк. Научный наблюдатель. Действую по инструкции. Надо выставить дроны по периметру,

чтобы фиксировали файер-шоу с наиболее оптимальных ракурсов», — печально размышляю я, одновременно отправляя команду дронам занять позиции в небе вокруг деревни.

В ушах звенит, и в какой-то момент мне кажется, что я слышу стук колёс поезда… Встряхиваю головой. Включаю запись и начинаю диктовать:

Журнал наблюдений. Отчёт №47-D. Алексей Смирнов. Координаты 54°21' N, 19°55' E. Время фиксации: 18:45 местного времени (± 10 мин. дрейфа).Среда: низкая облачность, повышенная влажность, температура +9 °C.Объект наблюдения: поселение натангов (примерно 210–230 особей).Режим дрона: автоматический, высота 62 метра, стабилизация включена.

В 18:45 зафиксировано резкое изменение поведения населения: прекращены хозяйственные работы, возрос уровень звукового фона (пение, ритмичные выкрики)…

В голову бьёт кровь. Поезд в ушах снова стучит. И вспоминается.

Мне лет пятнадцать…

Полупустой вагон метро. Интеллигентная девушка с томиком стихов сидит в ряду напротив, а к ней лезет немолодой алкаш — бритоголовый забулдыга в адидасовском трико. Девушка, морщась, пытается сторониться, отодвигается, но забулдыга двигается следом, трогает её книгу, дышит перегаром в лицо… А я боюсь. Я хочу защитить девушку, но растерянно не знаю, как и что делать. Меня учили быть бла-

горазумным, не лезть в драку, экономить эмоции. Но в моих глазах грязь пытается осквернить чистоту, и я чувствую унижение и внутреннюю боль — и главное, свою слабость, ничтожность. Поезд выныривает из тоннеля. Вот она — спасительная станция! Я выбегаю из вагона…

О, как я ненавидел их! В каждом быдле я видел того алкаша! Как я мечтал и искренне желал, чтобы тот сдох от цирроза или был зарезан собутыльником. Да, потом я подрос, окреп, изменился, перестал бояться драки. Бил — и меня били. Но то чувство беспомощности и унижения осталось со мной навсегда. И сейчас оно стучит в ушах колёсами давно ушедшего в небытие вагона метро. Вот только спасительной станции нет и не будет.

Я всегда говорил себе, что смогу смотреть спокойно. Что я сильный. Что это работа. Что эмоции — не моё.

Я врал.

Просто раньше было проще. Раньше эти глаза были далеко-далеко в закоулках моей памяти. А сейчас — вот они. Снова здесь. Живые, серо-зелёные, в них снова плещется страх… И если я опять останусь в кресле, то потом буду раз за разом вспоминать… Я буду вспоминать себя. Как вспоминаю до сих пор того пятнадцатилетнего труса. И в этот момент я решаю, что не смогу просто сидеть и смотреть дальше.

И ругаю себя за это.

Прекрасно понимаю, что ничего толкового не сделаю. Да и если представить это безумие — что у меня получится как-

то ей помочь? Что дальше? Плана нет… Но меня гонит то чувство унижения и обречённости. Нет. Не могу.

Практически машинально я натягиваю экзокостюм, проверяю давление фильтров, снимаю автоматическую винтовку со стенда.

Протокол строго-настрого запрещает выходить.

Я уже хочу вернуть винтовку обратно, но дрон, будто специально отрезая мой путь назад, спускается ниже, и микрофон ловит злобные, самоуверенные реплики натангов…

«Вот так…» — отстранённо констатирую я, проверяя ремни экзокостюма. — «И что я делаю? Для чего? А если рассудить здраво? Ну судьба у неё такая. Это же Средневековье! Не сожгут — так простудится и умрёт зимой от воспаления лёгких. Делов-то… А ты затеял авантюру, грозящую катастрофой. Герой хренов! Спаситель прекрасных леди, мать твою… Всё! Заткнись!»

Подхожу к шлюзу. На внутреннем экране вспыхивает жёлтое окно предупреждения.

ВНИМАНИЕ!

Выход из автономного жилого модуля переводит оператора в статус внешнего объекта наблюдения.

— Связь с координатором будет утрачена.

— Медицинская эвакуация не гарантируется.

— Возврат в модуль возможен только при ручной авторизации.

— В случае гибели оператора данные миссии считаются

утраченными.

— Автоматическое возвращение невозможно.

Подтвердите действие.

Тупо смотрю на экран.

«Внешний объект»! Красиво сказано. Даже не «человек».

Рука зависает над сенсором.

— Принял, — говорю я вслух и прижимаю ладонь к панели.

Активирую шлюз и шагаю наружу — в осенний вечер сентября 1260 года от Рождества Христова.

Болото воняет гнилой травой и серой. Я делаю первый шаг и сразу, хлюпнув, проваливаюсь по колено в ил.

— Внимание! Нарушение протокола наблюдения. Объект в зоне риска! — вопит механический голос из динамика у меня за спиной.

— Ага… Ещё в какой «зоне риска»! Как там в нашей методичке: «Описание возлагает на учёного обязанность быть незаинтересованным и беспристрастным наблюдателем течения исторических явлений…»

Отдалённо, за завалами бурелома и зарослями низкорослых болотных осин, слышатся барабаны и пение.

Поднимаю взгляд вверх. Темнеет быстро.

На мгновение кажется, что облака не движутся, а вращаются вокруг какой-то оси — прямо над сырыми, чёрными кронами деревьев. А может, это кружится голова. Колёса вагона метро всё стучат там… в прошлом ли, в будущем?

Дроны переходят в автоматический режим защиты, и с винтовкой наперевес я отправляюсь в сторону деревни.

Даже с каким-то злорадным удовольствием отмечаю, что больше не являюсь ни учёным, ни Наблюдателем.

Когда птицы умолкли

Слева темнел лес. Справа открывалось ржавое осеннее поле под тусклым серым небом. Тяжёлые ветви нависали над дорогой, и капли влаги падали вниз с глухими шлепками, впиваясь в землю. Крытая повозка тащилась по размокшей дорожной глине. Внутри, среди сундуков и мехов, ехали две девицы лет двадцати.

Одной из них была утомлённая путешествием госпожа Адельхайд фон Штауфенберг — недавно повенчанная немецкая жена Генриха Монте, наместника Натангии, только вчера прибывшего из Магдебурга.

Сын прусского вождя возвращался домой после долгих лет заложничества, учения и службы при Ордене — с новой верой, новой речью и новой женой в придачу.

— Брат Генрих Монте стал примером спасённого язычника, ныне смиренного слуги Господня! Пусть союз его с дочерью достойного христианского рода утвердит победу света над тьмой! — сладко вещал епископ на церемонии благословения, с самодовольством взирая на благочестивую публику.

Выбор пал на одну из дочерей барона фон Штауфенберга — род не самый богатый, но древний и уважаемый в Магдебурге. Епископ счёл их дочек подходящими: благонравные, воспитанные, пусть и горделивые, зато с нужной набожно-

стью и послушанием. К тому же семья, желая снискать благосклонность церкви, выдавала дочь с щедрым приданым — сундуками серебра, мехов и тканей.

Барон фон Штауфенберг не торговался: пусть всё это добро станет залогом новой дружбы. А там, глядишь, у него появятся и новые владения на Востоке. Так политический расчёт, облечённый в церковное благословение, принял вид брака.

Из трёх дочерей выбрали среднюю — Адельхайд. Дома, в Магдебурге, её звали Алейд — проще, мягче и немного по-детски. Она казалась идеальной жертвой для политики: достаточно знатна, чтобы украсить хроники, и достаточно воспитана, чтобы считать свою покорность добродетелью.

Алейд зябко куталась в нарядный плащ, подбитый беличьим мехом. Рядом дремала её служанка Анна — румяная, крепкая, с густыми каштановыми косами, выбившимися из-под чепца. Алейд бросила на неё быстрый, надменный взгляд и вдруг ощутила раздражение: рядом с Анной она казалась слишком белой, слишком тонкой, будто высушенной на ветру. Красота служанки — простая, тёплая, крестьянская — только сильнее подчёркивала кукольную утончённость госпожи.

Конвой был невелик: два брата ордена, четыре сержанта, десяток пеших слуг и возница. У каждого на поясе — меч, у некоторых за спинами торчали древки копий. Один из сержантов ехал рядом с повозкой, другой, постарше, следил за

обозом сзади. На белых плащах различался чёрный крест, перепачканный грязью осенних дорог.

«Мой дом станет островком света среди этих мрачных лесов. Я покажу им, что женщина рода фон Штауфенберг — госпожа с кротостью Марии и силой Матильды Тосканской», — тщеславно фантазировала Алейд, поправляя бархатный венец, расшитый мелким жемчугом.

Но тут у неё резко прихватило живот.

— Ах, Господи… — выдохнула она, хватаясь за больное место.

— Всё ли в порядке, госпожа? — тревожно вскинулась Анна.

— Нет… Прикажи вознице остановиться. Сейчас… немедленно!

Возница, ворча, натянул вожжи. Алейд выбралась наружу, Анна замешкалась в повозке.

— Анна, пойдём со мной! — краснея, зашипела Алейд на нерасторопную служанку, и они поспешно скрылись в молодой поросли ольшаника.

Дождавшись, когда девицы исчезнут в кустах, сержант, ехавший рядом с повозкой, рыжий, веснушчатый парень, смеясь, переглянулся с товарищем:

— Смотри-ка, Борхард, наша барынька пошла ежей пугать!

Второй, чернобородый, не улыбнулся, только хмуро оглядел кромку леса:

— Лучше бы потерпела. Останавливаться у этой опушки — не к добру. Хорошее место для западни.

Первый фыркнул, потрогал крест на груди:

— Да сохранит нас Господь от нашего Солнышка и его прихотей.

— И от язычников тоже, — мрачно добавил второй и нервно поправил копьё у стремени.

В перелеске, среди опавших листьев и запаха осенних опят, Алейд присела, зажмурив глаза, и подумала, что в унижении не бывает мелочей. Холодный ветер противно задувал под подол.

— Ну вот, госпожа, теперь полегчало, да? — сказала Анна, когда они возвращались к дороге.

— Полегчало, — ответила Алейд с каменным лицом разгневанного готического ангела. — Осталось только не умереть до Кройцбурга.

Оба орденских сержанта замолкли, когда в кустах послышался треск: госпожа возвращалась, придерживая плащ. На её сапожки налипли жёлтые листья.

Она поднялась обратно в повозку, стараясь держаться гордо. Монте в седле не выдержал — украдкой ухмыльнулся, тут же сделав вид, будто ничего не случилось.

Это разозлило Алейд сильнее, чем собственная слабость.

Отряд двинулся дальше. Анна снова задремала. Правда, долго дремать ей не пришлось.

— Проснись, ленивая! — приказала Алейд, грубо толкая

Анну в бок. — Воздух тяжёлый, господин всё молчит. Будто хороним кого.

— Птицы не поют, госпожа, — с сонной иронией пробормотала Анна. — Не к добру это.

— Молчи, Анна. Я не люблю суеверий.

Возница ругался, колёса проворачивались. Алейд измучилась от тряски, скрипа осей, от тяжёлой духоты под пологом. Она отодвинула занавеску и спрыгнула вниз, желая пройти немного пешком — подышать. Шагать оказалось легче, чем терпеть езду по колдобинам.

Монте по-прежнему ехал верхом впереди. Его спина, обтянутая плащом коричневого цвета, была прямой, движения уверенными. Он ни разу не оглянулся. Алейд поспешила за ним, но он будто специально игнорировал её присутствие.

— Так молчаливы вы, мой господин, — воскликнула она наконец. — Скажите мне, что происходит?

Он не повернулся. Только вороная лошадь под ним мотнула головой.

Она споткнулась о торчащий корень, едва не упала, но удержалась, чувствуя, как раздражение вытесняется страхом.

— Я не понимаю, господин… что… что происходит?

— Я говорил. Ты не слушала, — ответил он равнодушно.

Его голос был холоден и неприятен, как вода в придорожной луже.

Сердце Алейд забилось сильнее. Повозка позади застря-

ла окончательно, возница звал на помощь. Замыкавшие конвой тевтонцы спешились. Один придерживал лошадей, двое прикрепили ремнями копья к сёдлам, оставили щиты у стремян и, упершись руками в борт, принялись толкать.

Из леса донёсся гул — низкий, протяжный, будто шум далёкого моря. Стая ворон с граем взметнулась из желтеющих крон.

Лошади заржали, тевтоны замерли. Между стволов посыпались воины — натанги. В их руках горели факелы, огонь трепетал на ветру, сверкал на копьях и топорах злым, кровавым блеском.

Из леса не полетела ни одна стрела. Те, кто прятался в тени, знали — среди немцев свой.

— Мой господин! Это враги? — вскрикнула Алейд, хватаясь за плащ Монте.

Он поднял руку в знак приветствия и крикнул на их странном, гортанном языке:

— Братра, нехамэй ме! Ас эсму йусан!

(Братья, не бейте! Я ваш!)

Алейд остолбенела. Монте спешился. Старший натанг вышел вперёд, оскалился и обнял его за плечи, звякнув трофейной кольчугой. Остальные заголосили, засмеялись, заулюлюкали от радости.

Впереди и позади вспыхнул скоротечный бой. Слуги разбежались. Алейд тряслась, закрыв лицо ладонями, стараясь не смотреть в ту сторону.

— Господин Генрих! Что вы делаете?! — всхлипнула она.

Он оборотился, и в его глазах не было ни гнева, ни раскаяния.

— Так должно быть!

— Так говорит предатель, не мой супруг!

Монте даже не поморщился. Отмахнулся от неё рукой.

— Идите спокойно, госпожа.

Алейд шарахнулась назад, не веря услышанному. К ней подступил натанг — огромный и безобразный, со сбитыми костяшками на ручищах, пахнущий застарелым потом и звериной кожей. Схватил её за локоть.

— Отпусти меня, я женщина знатного рода!

Натанг засмеялся гнилым ртом, не поняв ни слова. Монте о чём-то говорил с их командиром.

— Господин Генрих! Посмотрите на меня! — завопила Алейд.

Но «господин Генрих» спокойно развернул коня, и все двинулись в лес, оставив после себя трупы тевтонцев и разграбленную повозку.

Факелы чадили, накрапывал дождь. Чертополох и кусты цеплялись за платье. Ветки задевали Алейд по щекам, лезли в глаза. Сзади весело басили голоса, ржали лошади, и казалось, что сама эта дикая земля смеётся над ней.

Тем временем служанке Анне связали руки и усадили на лошадь, будто она представляла гораздо большую ценность, чем её знатная госпожа.

— Тан — дзива, — сказал кто-то. — Стипра, тургун дер!

(Эту — живой! Крепкая, на торге пригодится!)

Анна оглянулась на госпожу: перепуганное лицо Алейд было белее её барбетты. Она жалобно шептала, глядя под ноги:

— Иисус Христос, помоги мне, несчастной женщине…

Но Господь величественно бездействовал. Как впрочем, и всегда.

Падение госпожи Адельхайд

Когда колонна натангов вышла из леса, уже стемнело. Алейд, спотыкаясь и хныкая, плелась рядом с рослым воином. Тот уже не тащил её за локоть — лишь поглядывал, как бы пленница не вздумала учудить какую-нибудь наивную глупость вроде попытки к бегству.

Алейд украдкой рассматривала своего конвоира. Она немного успокоилась — во всяком случае её не били, не пытали, на честь не посягали, просто вели куда-то.

Да и что ей могут сделать эти варвары? Она дитя рода Штауфенберг! За ней весь могучий Магдебург! Отец и его вассалы! Епископ… да что там епископ — сам Господь Бог.

А эти невежественные дикари? Несчастные они, оттого и злы. Не знают света веры Христовой!

Правда, её смущала стычка и убийство охраны. Но, может быть, это необходимые жертвы и какой-то мудрый план, в детали которого её не посвятили?

Вот этот дикарь, тащивший её за руку? Он ведь тоже человек. Просто его душа терзается во тьме греха. И вот тут она просто обязана ему помочь! Да! Она станет просвещать их не мечом, а крестом, как делали это великие подвижницы! А так — отмыть его, побрить, и вполне можно поселить в Магдебурге. Будет хорошим слугой!

Алейд сжала нательный крестик и обратилась к своему нечёсаному спутнику:

— Послушайте! Я вижу, вы добрый и хороший человек! Будьте милосердны ко мне, несчастной женщине, и вам отплатится! Воздайте — и вам воздастся… — голос молодой баронессы вышел не столь уверенным, каким она его себе представляла. — Внемлите истинам веры Христовой…

Натанг угрюмо посмотрел на неё. Засопел недовольно.

«Затащить бы её в кусты да поиметь…» — буднично подумал он. — «И чего галдит, своего мертвеца крестового мне тычет? Будь она моим трофеем… Да толку с неё. Выходит, только поиметь и можно, а потом головешку на бок. Шейка цыплячья, рост заячий, пальцы тонкие, хрупкие — бездельница, по всему видно. Брать рабыней в свой дом нет смысла, кормить её ещё, да и Милава не потерпит. На торге за неё не выручишь ничего… Разве что на костёр отправить во имя Потримпо. А вот сундуки при ней богатые. Это славные трофеи. Подарю колечко Милаве, браслетик Неринге — справная невеста подрастает…»

Настроение поднялось. Виргайтис заулыбался, закивал немке благодушно, потом пожал плечами.

«Вера Христова смягчает сердца людей! Вот и сейчас это видно — по его глазам, по улыбке! А если свет истины ещё и проповедуется, как надлежит, мудрыми устами, то творит чудеса!» — уверенно подумала Алейд, но тут же одёрнула себя за гордыню.

Монте, слышавший краем уха проповедь своей немецкой жены натангу, придержал коня:

— Немецкий тут знаем только мы. Ты и я. Замёрзла? Скоро согреешься! Обещаю. И не раздражай их своей болтовнёй на языке саксонских баронов… Многие здесь пострадали от их рук. Разъярятся, и тогда даже я не смогу ничего сделать.

— Но господин Генрих? Куда мы идём? — воскликнула Алейд.

Однако тот уже ускакал вперёд с мыслями:

«Саксонское уважение… Неудивительно, что мне в жёны определили эту дурочку. Она ещё глупее, чем я думал».

Из-за деревьев донёсся ритмичный бой барабанов и странные выкрики. Впереди показалась огромная поляна с очертаниями жилищ — тёмных бревенчатых срубов, покрытых соломенными крышами. Горели десятки факелов. Ночной воздух был густым от дыма, тошнотворного запаха псины и горьких трав. Испуганные, разбуженные шумом и светом, птицы носились тенями в сыром чёрном небе.

Женщины, дети, старики толпились в центре поселения, на большой площади с массивными деревянными идолами. Грубо вытесанными, блестевшими от смолы: Перкунас с молотом, Потримпос с венком колосьев и мрачный Патолс с раззявленной зубастой пастью. Между идолами вкопали столб, сколотили помост, возле которого воины складывали брёвна и хворост для жертвенного костра. Остальные жители поселения пели, выли, хлопали в ладони. Пламя факелов

высвечивало лица, делая их то демонически прекрасными, то зверски уродливыми.

Всё пространство содрогалось от звука, но не было ритма, гармонии, мелодии. Лишь тяжёлый гул, который жил в земле, будто сама почва пела мистическую первобытную песнь.

Кто-то медленно бил в огромный барабан:

Дум… Дум… Дум…

Каждый удар отзывался в теле Алейд содроганием.

Потом сверху наплывали голоса женщин, тонкие, протяжные, как стенания осеннего ветра:

Ай-ла-ла-ла… Ай-ла-ла-ла…

Они тянули воздух, закручивая его в пугающие звуковые петли. Пленница, дрожа от страха, усталости и холода, чувствовала смысл.

Всё в этом гуле было сладостным предвкушением, томительным нетерпением, истерическим восторгом и, в конечном итоге, смертью. Ей казалось, что она спит и видит кошмарный сон.

Монте и старший жрец подъехали к ним верхом. Монте жестом отпустил конвоировавшего Алейд натанга. Его лицо, освещённое огнём, искажала угодливая улыбка.

— Ас лаукста, вайделот, — обратился он к жрецу с заискивающим благоговением.

(Твоя, жрец. Я жду)

Вайделот — высокий сухой старик с заплетённой бородой и глазами, блестевшими безумием, — спрыгнул с коня, по-

дошёл ближе, быстро осмотрел пленницу. Повелел скрипучим голосом:

— Мергиас прюши! Друвис, лэйкит!

(Девки, готовьте! Быстрее!)

Из темноты вышли девушки. Они погнали немку к алкнийче — длинному деревянному дому у края святилища, где готовили жертв к сожжению.

— Эй, полегче! Что вы толкаетесь! Мне больно! Я женщина рода Штауфенберг. Требую к себе уважения, как к знатной пленнице! — раздражённо вскрикнула молодая баронесса.

В свете факелов фигуры вайделоток казались призрачными: льняные рубахи до щиколоток, перехваченные тонкими ивовыми прутьями, на головах венки из дубовых ветвей.

Лица широкие, загорелые, с красными полосами охры по скулам. На лбах — руна Перкуна: косой Х-образный крест. Обереги из бронзы тихо побрякивали в такт торопливым шагам.

Внутри было душно от копоти и травяного пара. В полумраке горело множество смоляных лучин. С потолка свисали пучки сушёных растений, какие-то звериные шкурки и связки костей — всё шевелилось тенями от трепещущего света и сквозняка, будто дышало.

Вайделотки обступили немку, и каждая принялась за своё дело с сухой методичностью. Одна, встав за спину, резко сорвала с пленницы плащ. Сбила съехавший набекрень бар-

хатный венец с головы. Бросив их на пол, принялась развязывать шнуровку котты. Вторая уверенно расстегнула пояс, звякнув тяжёлой пряжкой. Третья придерживала дрожащую жертву за плечи, четвёртая деловито стаскивала сапожки с её ног.

Алейд была послушна и не сопротивлялась, боясь разозлить натангианок. Казалось, тело больше не принадлежало ей. Каждое движение девушек ощущалось как через слой тумана.

— Мой отец заплатит за меня… Зачем раздеваете? Мне же холодно! Что вы молчите? Скажите что-нибудь! — язык заплетался от страха.

В глазах плыло: лучины превратились в огненные пятна, лица девушек с пляшущими на них оранжевыми бликами отсвечивали жутью в мерцании пламени.

Платье и нижняя рубаха упали на пол. Одна из вайделоток тут же подняла их, стала рассматривать ткань, прикидывать на себя.

Пленница попыталась закричать и не смогла.

Горло сжалось, воздух вышел рваным всхлипом.

Крик умер, так и не родившись.

— Драбс гир сау, ман галц, — улыбаясь, сказала стоящая за спиной натангианка, грубыми рывками расплетая косы немки.

(Платье бери себе, мне кольца.)

Та осталась абсолютно голой. Погибая от унижения, ма-

шинально попыталась закрыть ладонями свои скромные груди. Но её руки тут же развели в стороны.

— Не скратик!

(Не дёргайся!)

На шее висел лишь золотой крестик — его не сняли нарочно, на посмешище. Алейд начала молиться шёпотом, но сознание погрузилось в морок, слова молитвы путались:

Pater… Pater noster, qui es in… caelo… in… lumen…Sancte Deus, libera… libera me, Domine…Corpus… meum… non… ignis…

— Кас сей крикстан майд бармут свай? — сморщилась одна из девушек, глядя с издёвкой.

(Что эта крестовая баба там бормочет?)

— Не вайсо! Галба заклинс, та мус висс згинт! — засмеялась другая, сплёвывая через плечо.

(Не знаю! Наверное, заклинание, чтобы всех нас извести!)

Глядя на голую, заикающуюся немку, с растрёпанными по плечам волосами, натангианки залились смехом:

— Тинейс, бет пемпан ис кнандис.

(Тощая, зато бока наела.)

— Брамнай смални, бет науи. Потримпс йеймс анан.

(Грудёнки маленькие, но свежие. Потримп примет её.)

— Верки, верки! Галба твой Крустас глуйс?

(Плач, плач! Может, твой бог оглох?)

Они ненавидели пленницу. Каждая несла в себе жестокую память — брата или мужа, убитого рыцарским мечом, дом,

сожжённый тевтонами, или ночь, когда под крики чужих голосов над ней свершали насилие.

Вошла старшая вайделотка с большим глиняным сосудом. Девушки резко замолкли и расступились перед ней, прижавшись к стенам, почтенно склонив головы. По возрасту она была моложе их, но властный, беспощадный взгляд прозрачных кошачьих глаз мог вышибить пот из кого угодно.

— Ней байс, гражи! Гирс лэйкс — дэймс лэйгс! — старшая присела на корточки, начала обмазывать ноги жертвы вязкой, вонючей субстанцией.

(Не бойся, красавица! Жир тёплый — к богам скользнёшь!)

Это была тёплая смесь свиного жира, золы и каких-то трав. Остальные девушки принялись делить между собой вещи и украшения Алейд.

Заговор вайделотки звучал хлёстко:

— Тута — лылио — гадула — добилио! Перкунс вактс, Перкунс ругас, лайки тис ме, лайки тис немис, — витис — краст, витис — краст!

(Перкун сильный, Перкун грозный,пожри её, пожри их,— витис — краст, витис — краст!)

С каждым словом её ладони двигались быстрее, и кожа Алейд покрывалась чёрно-серым слоем ритуальной мази. Вайделотка перешла на живот и грудь жертвы. Обработала её руки.

Перкунс дай огнис, дай жарс!Жейме, приямти пелта, не

зэмя, а тэйла!Потримпс лейкс твой, лейкс ёс!Лайк огнис схватит,лайк дымс кельт,лайк каульс чарс,лайк духс примт!

(Перкунас, дай огонь, дай жар!Жемина, прими плоть — не землю, а тело!Потримпос, радость твоя — в ней!Пусть огонь её схватит,пусть дым поднимет,пусть кость почернеет,пусть дух её примет!)

Когда осталось намазать жиром лицо и волосы, вайделотка остановилась, сжала пальцами щёки немки и жёстко посмотрела ей прямо в глаза. Алейд панически зажмурилась. Девушка зачерпнула из сосуда полную ладонь жира и со смехом размазала по лицу жертвы, забивая ноздри и губы. Та закашлялась, затрепетала чёрным от мази телом. Вайделотка грубо встряхнула её, шлёпнула по спине и принялась мазать волосы.

Когда дело было кончено, на пленницу надели длинную белую рубаху из грубого жёсткого льна — до щиколоток. На шею повязали пеньковую верёвку, а к ней прикрепили пучок душицы. Девушки придерживали её за локти, так как жертва находилась то ли на грани обморока, то ли на грани безумия.

— Клейкит вайделот! Йи парашта! — рявкнула старшая.

(Зовите вайделота! Она готова!)

Эхо её неожиданно сильного голоса раскатилось под низкими балками, как удар барабана.

Участник

Смирнов подобрался к деревне достаточно близко и принялся следить за происходящим, слившись со стволом старого ветвистого дуба. Его начали одолевать сомнения.

«Наверное, всё это симуляция от координаторов. Моя проверка на вшивость. Ну не мог же я так просто взять и выйти в XIII век, превратившись из наблюдателя в участника событий?»

В институте он много раз слышал о различных испытаниях для историков-наблюдателей: о неисправности капсулы, простудных заболеваниях, симуляции ЧП. Но там это было лишь разговорами в курилке и никогда реально не подтверждалось.

«А раз симуляция — то пошли они куда подальше. Всё равно я всё уже завалил. Отыграю красиво», — сердито решил Смирнов.

Он шёпотом, через аудиоконнектор в маске, активировал дроны:

— Внимание всем патрулям. Переходим в режим камикадзе и по моей команде атакуем следующие цели. Патруль «Дельта-1», цель «Ритуальное строение рядом с жертвенным комплексом», команда «Чёрная роза». Патруль «Дельта-2», цель «Дом старосты», команда «Эмблема печали». Патру-

ли «Дельта-3» и «Дельта-4» — жертвенный комплекс, группа идолов Перкуна, Потримпо и Патолло, команда «Красная роза — эмблема любви»…

Под ликующий вой толпы Геркус Монте возвёл на помост спотыкающуюся женскую фигурку в просаленной льняной рубахе. То, что это был именно Монте, будущий лидер Второго Прусского восстания, Алексей не сомневался: никакое иное масштабное событие в этот временной интервал тут происходить не могло.

На Монте уже не было европейской одежды. Волчья шкура на плечах, рубаха из конопли, подпоясанная ремнём из сыромятной кожи. Лицо вымазано лосиной кровью.

— Смотрите, натанги! Смотрите, братья! — заорал он. — Вот что носят на груди их жёны! Злато, выжженное из наших полей, железо, вырванное из костей наших отцов!

Он рванул за крест. Цепочка натянулась — кожа на шее Алейд побелела, потом выступила кровь. Звенья порвались, и золото сверкнуло в руке Монте.

— Видите? Вот их святыня! Холодное железо, что висит на шее, как ярмо! Вот их бог — мёртвое мясо! Они кланяются мертвецу, висящему над землёй, и молят, чтоб тот простил им кровь, что они пролили!

Толпа взвыла, как стая оголодавших дворняг морозной ночью. Монте небрежно бросил крест к подножию идолов.

— Вот их милость, вот их правда! — распаляясь, вопил он. — Они сожгли наши дома, увели наших женщин и ныне

просят у железа прощения!

Он властно обвёл взглядом толпу. Лицо его было перекошено от ярости.

— Мы — живые! Мы слышим гром Перкуна, чувствуем дыхание земли под ногами! Мы — кровь наших отцов, огонь наших костров! А они — гниль, стужа, камень и ложь!

Он поднял руки к небу. Голос Монте сорвался, стал тонким, распевным:

— Перкуне, услышь нас! Потримпо, прими дым наш! Патолло, пои землею мёртвых наших! Да падёт крест их бога в грязь, да поглотит земля след их веры!

Гремели барабаны, факелы сыпались искрами. Монте ревел поверх гомона, перекрывая шум:

— Мы — не рабы чужого бога! Мы — дети грома, и кровь наша горяча! Да горит наш костёр, пока жива земля, и пребудет с нами Перкун — мы свободны, пока пылает пламя!

Толпа взревела накатом. Вой, рога и барабаны сомкнулись в один сплошной гул, похожий на бурю.

Геркус развернулся к Алейд и сквозь шум произнёс с ласковым презрением:

— Видишь, госпожа? Теперь ты не под его крестом. Теперь ты под нашим небом.

Алейд не слышала его. Она смотрела стеклянными глазами перед собой. Тело бил тремор, зубы стучали. Её душа уже фактически покинула тело. В сознании вспыхивали образы детства, близких, какого-то солнечного утра в Магдебурге,

когда она проснулась под пение птиц…

И вдруг мягкая сила потянула её туда — в это утро, в этот солнечный, родной мир. Она маленькая, босиком, идёт по деревянному полу, а за окном звонят колокола собора. Пахнет хлебом и молоком. Голос матери. Руки отца.

Она вдохнула — неожиданно дыхание стало ровным. Сухие губы шевельнулись:

— Sancta Maria, mater Dei… ora pro nobis…

Геркус Монте всё орал, гремел, клокотал, захлёбывался словами, упивался своей силой и любовью толпы, а она даже не повернулась к нему. Она уже уходила — туда, где снова светло, где нет боли и крика, где нет вонючего дыма и перекошенных злобой рож.

— Ладно, дядя, пора заканчивать твой предвыборный митинг, — констатировал Алексей, с раздражением увидев, как Монте сорвал с девицы крест.

Суть речи Монте была понятна: Геркус демонстративно отказывался от всего, что связывало его с Орденом и христианством.

— Гриль-вечеринки не будет! — Смирнов снял винтовку с предохранителя. — И кинцо хвалебное про тебя, Геркус Мантас, советские кинематографисты не снимут.

Алексей отделился от ствола дуба, вышел из режима невидимки. Толпа натангов в ужасе шарахнулась в стороны. Образовался живой коридор, по которому он медленно направился к помосту. Монте замолчал и одичало уставился на

Смирнова… Странная чёрная фигура в невиданных кожаных доспехах и личине неотвратимо приближалась к вождю Второго Прусского восстания, имея, вероятно, самые недобрые планы. Барабан стих, завывания и крики скомкано оборвались. Вайделот, собравшийся привязать Алейд к столбу, предусмотрительно ретировался.

«Немецкие фокусы? Рыцарь? Ангел? Демон? Веньяс? Патолло? Я прогневал бога, когда сорвал крест с этой дуры?» — мысли Монте метались в голове, как испуганные мыши в кадушке.

— Взять его! — завопил Диован, вождь бартийцев, присутствующий на жертвоприношении в качестве важного гостя.

К Алексею уже двинулись неуверенные энтузиасты с топорами, но Смирнов поднял винтовку и пустил длинную очередь в воздух. Трассеры фосфорическим зелёным пунктиром прочертили ночное небо.

Толпа в ужасе заорала, натанги заметались, женщины, вайделоты и часть воинов упали на колени и принялись молиться Перкуну.

Алексей остановился напротив Монте и немки. Он впервые видел реального исторического персонажа лицом к лицу. Злой, хитрый лик, но при этом смазливый, в нём была какая-то болезненность — как у волка, потерявшего лапу в капкане.

Смирнов поднял крест с земли и спрятал в подсумок.

Лицо немки не выражало ничего. Глаза были пусты, губы едва заметно шевелились. Вся чёрная, вонючая от жира и золы, она дрожала в ознобе.

«Она совсем плоха… Как бы психика у неё не нарушилась после таких приключений…»

Алексей взял немку за запястье и потянул к себе. Девушка покорно сделала несколько шагов.

Однако Монте уже понял, что перед ним не бог и не дух, а человек в доспехах. Он выхватил нож и ударил Алексея в живот. Это было смело, но бесполезно: холодное оружие не могло пробить экзокостюм.

Смирнов с оттягом и нескрываемым удовольствием треснул Монте кулаком промеж глаз — так, что тот свалился с помоста вниз, в грязную натоптанную жижу.

Алексей быстро подхватил девицу на руки и понёсся прочь, сквозь толпу, ревевшую и бесновавшуюся в религиозном ужасе.

Уже на краю поляны Алексей, с одышкой, произнёс:

— Чёрная роза — эмблема печали. Красная роза — эмблема любви.

За спиной раздался свист, и серия взрывов сотрясла землю под ногами — это дроны пошли в свою последнюю атаку, сокрушая намеченные цели. Жертвенный комплекс вспыхнул, идолы разлетелись в щепки, несколько хижин загорелись…

Натанги метались среди огненного хаоса, не зная, что де-

лать. Многие воины в панике бросали оружие. Вайделоты и вожди племён вскакивали на коней и мчали прочь. Мёртвые тела, посечённые осколками, валялись на земле — о них спотыкались метущиеся в ужасе живые…

Алексей со своей ношей уже углубился в лес. Опасаясь преследования, он петлял, стараясь двигаться через болото, не зная, что никто даже и не думал его преследовать.

Только один человек, стараясь не отставать, следовал за ними.

Реанимация

И снова болото. И снова темнота, вязкая илистая жижа, треск бурелома. Встроенный в маску навигатор выводит меня к базе… Точнее к месту, где ещё несколько часов назад была база.

— Всё, господа учёный совет, координаторы, выводите меня из симуляции. Всё завалил! Раскаиваюсь! — иронизирую я в микрофон шутливым тоном, держа немку на руках.

Но канал молчит. Связи нет. Нет даже помех в эфире, какие обычно бывают в случае неисправности.

— Что за чертовщина? Эй… Алё?

Аккуратно кладу девицу на сухое место и стягиваю с лица шлем-маску. Ветерок доносит до ноздрей запах гари и дыма полыхающей деревни натангов. Запах этот причудливо смешивается с ароматами прелой осенней травы и тухлой воды.

Небо проясняется. Луна выглядывает из-за облаков, наполняет лесное болото сонным неясным светом.

Впадаю в ступор. Базы больше нет! Это реальность! Реальность, а не симуляция! Наконец осознаю серьёзность и непредсказуемость случившегося. Что я натворил?! Что делать? Как быть?

Спасённая кашляет, на её посиневших губах проступает пена.

— Етицкая сила… Прости! Я сейчас! — спохватываюсь я.

Быстро извлекаю из рюкзака самонадувающийся термоизоляционный коврик. Укладываю на него немку. Укутываю аварийным термоодеялом, тут же начинающим согревать её вшитыми тепловыми элементами. Зажигаю светодиодный фонарь, осветив место мягким оранжевым светом.

Страх, охвативший меня, потихоньку отпускает, вытесняемый активным действием.

Вынимаю десантный нож, осторожно срезаю с её шеи верёвку и брезгливо отшвыриваю пучок душицы.

На шее девушки кровавой полоской темнеет длинная ссадина — Монте постарался, когда срывал с неё крест.

Смачиваю салфетку антисептиком, аккуратно протираю кожу, затем обрабатываю рану от цепочки.

Достаю ещё одну салфетку и пытаюсь стереть жир хотя бы с лица немки. Получается неважно: липкий и холодный слой мази почти не поддаётся. Спасённая так и остаётся похожа на молодую болотную шишимору.

— Вот сволочи, — бормочу я, — хотели, чтобы ты вспыхнула, как факел… Даже лицо…

Нервно усмехаюсь, глядя на её застывшее выражение.

— Тебе бы душ принять с самым обычным мылом… Туалетное мыло, чёрт возьми, они ещё не изобрели. Зато жечь людей — это всегда пожалуйста.

Осматриваю её внимательнее — по-военному, без лишних эмоций.

Проверяю рёбра, живот, ключицы — всё цело, без ушибов и переломов.

— Теперь надо понять, как тебя напоить…

Тишина. Болото парит зыбким туманом. Свет фонаря бликует на влажных листьях.

И вдруг меня поражает мысль, простая и ужасная.

Я ведь другой. Во мне XXI век. В каждом вдохе, в каждой клетке — бактерии, которых здесь нет. Она, как открытая рана, и я склоняюсь над ней, дышу, касаюсь…

— Просто замечательно! Я ведь могу убить её даже тем, что нахожусь рядом! — бормочу я кисло. — В любом случае выхода у меня нет.

Замираю, чувствуя, как неприятный холод снова сжимает грудь. Девица тихо стонет, дыша сквозь сжатые зубы.

Сглатываю комок в горле.

— Потерпи, — говорю тихо. — Я всё равно попробую тебя спасти.

Потерянно сажусь рядом, глядя на холодный пятачок луны, отражающийся в чёрной болотной воде.

Базы нет. Координаторов нет.

Остались только я, она — и древнее болото, принявшее нас в своё сырое, неприютное лоно. Романтика, мать её…

Достаю аптечный контейнер, отщёлкиваю крышку.

Ампулы, упаковки медикаментов — крошечные осколки цивилизации XXI столетия.

Некоторое время смотрю на них.

Всё это для того, далёкого, стерильного, прогрессивного мира.

Только вот этого мира больше нет.

Перебираю капсулы, ампулы, пластыри. На дне контейнера нахожу мягкий седатив — несколько миллилитров раствора в мини-флаконе. Руки дрожат. Колебания. Как её организм, не знающий фармацевтической химии, отреагирует на средство? Как минимум нужно уменьшить рекомендуемую дозировку. Вся подготовка, все курсы, протоколы — всё кричит в голове: не вмешивайся в живую историю. Но рядом лежит не «живая история», а измученный человек в состоянии крайнего психического и физического истощения, и каждая минута может стоить очень дорого.

Гляжу на неё.

Кожа бледная, губы синие, дыхание рваное...

— Хуже уже не будет, — заключаю спокойно.

Открываю флакон, смешиваю несколько капель с водой, подношу к её губам. Сначала ничего — вода стекает по подбородку. Девица слабо вздрагивает, глотает, едва слышно кашляет. Её дыхание становится ровнее.

Убираю липкую прядь волос с её лица.

— Спи.

Вытягиваю ноги, прислонившись спиной к рюкзаку, отстёгиваю несколько бронепластин с экзокостюма, снимаю разгрузочный жилет. Становится легче. И тут вспоминаю... Достаю из подсумка её крестик. С интересом рассматриваю

в свете фонаря.

Равноконечный, размером со спичечный коробок. На перекрестии — маленький рубин, потемневший от времени и пота. С обратной стороны виднеется надпись, процарапанная на латыни:

«Sub tuum praesidium confugimus, sancta Dei Genetrix».

(Под Твою защиту прибегаем, Святая Богородица.)

Провожу пальцем по буквам и задумываюсь, как это было для неё: символ веры, вырванный, как сердце.

Переворачиваю крест в ладони. Рубин отражает свет фонаря короткой алой искрой.

На мгновение кажется, что это не камень, а зрачок — пристальный, наблюдающий.

Срезаю ножом резинку со своей термокофты, продеваю в ушко креста и осторожно возвращаю его на шею немки.

— Вот теперь я настоящий благородный рыцарь, — смеясь над собой шепчу я. — Жаль, она не видит и не чувствует всю символичность и пафосность момента. Не стоит благодарности! Отдыхай!

Гашу фонарь. Снова откидываюсь на рюкзак и, ёжась от сырого ночного холода, закрываю глаза. Энергию в экзокостюме я решил экономить, поэтому обогрев не включаю.

Наконец-то — впервые за весь день — тишина.

Неожиданно где-то в стороне раздаётся треск ветвей. Всплеск воды, мягкий шорох. Кто-то явно пробирается сквозь заросли рогоза. Резко вскидываю винтовку, палец ло-

жится на спусковой крючок. Сердце ухает. Адреналин бьёт в голову. Ещё чей-то шаг. Тихий, тоненький, женский плач.

Опускаю ствол на уровень пояса.

— Wer ist da? (Кто здесь?) — вспоминаю фразу, когда-то вычитанную в военном романе у Юрия Бондарева. Теперь вот пригодилось. Аж за восемь веков до того, как она будет написана. Хотя почему я спросил на немецком, сам не понимаю. Может быть, за нами следом плутала натангианка, спасавшаяся из огненного хаоса проклятой деревни?

В ответ — рыдание. Из кустов, в свете луны, выбирается женская фигура. Платье всё в грязи, волосы запутаны, руки связаны верёвкой, на лице ссадины. Она пошатывается, словно слепая.

— Schlaget mich nicht, herre, ich bitte euch!(Не бейте меня, господин, я умоляю вас.)

Её слова звучат вроде и на немецком, но напевнее, тягуче, как-то сливаясь в восприятии. Ничего похожего на грубый, лающий немецкий моего времени. Я понимаю, что это мольбы о пощаде, только по интонации. По платью и плащу узнаю вторую немку — ту, что ехала со знатной госпожой в повозке и которую усадили на лошадь. Скорее всего это служанка.

Опускаю оружие, поднимаюсь.

— Чёрт…

Перерезаю верёвку ножом. Толстые конопляные волокна неохотно поддаются лезвию. Но всё получается.

— Тихо, тихо… Всё, всё, спокойно, — говорю я по-рус-

ски, затем, поднеся палец к губам, добавляю по-немецки: — Stille! Tссс!

Немка не слышит меня.

— O, heiliger Himmel… sie lebt? (О, святое небо… она жива?)

Голос на грани рыдания. Она кидается к госпоже, опускается на колени, касается её плеча — осторожно, как будто боится, что та рассыплется от прикосновения.

— Herr, ich dacht, sie ist tot… (Господи, я думала, она мертва…)

Не понимаю всех слов, но улавливаю смысл.

Киваю и говорю медленно, стараясь произносить как можно яснее:

— Nein… nicht tot. Schlafen. (Нет… не мертва. Спит.)

Служанка всхлипывает. Смотрит на меня, затем на госпожу. Не верит своим глазам. Шепчет, больше себе, чем мне:

— Danke, Herr Christus… vielleicht ist das ein Wunder… (Спасибо тебе, Господи Христос… может, это чудо.)

Садится рядом. Дрожит. Долго не отводит взгляда от лица спящей.

Пытаюсь подобрать слова. Из памяти всплывают обрывки фраз из школьного немецкого:

— Wie heißt du? (Как тебя зовут?)

Она моргает, будто пытаясь понять, не ошибка ли это.

Показываю на себя:

— Ich heiße Alex. (Меня зовут Алекс.)

Молчу, чувствуя неловкость этой современной формы. Добавляю:

— Alex von Osten. Ich bin… Pilgrim. (Алекс фон Остен. Я — паломник.)

Она морщит лобик, но слово Pilgrim улавливает — знакомое, церковное. Представляется, с тем же напевным произношением:

— Mein Name ist Anna. (Меня зовут Анна.)

— Анна… gut. Gut. — отвечаю задумчиво.

Девушка напряжена, не знает, что ответить, потом позволяет себе вздохнуть спокойно.

— А её? Как зовут её? — спрашиваю я, перескакивая на русский, но тут же спохватываюсь.

— Wie heißt sie? — перехожу на немецкий, вспомнив советский фильм «Геркус Мантас», где жену героического, идеологически правильного Монте звали Катарина. — Name Katherina? (Как её зовут? Катарина?)

Анна падает передо мной на колени. Слова сбиваются, дыхание хрипнет:

— Das ist Frouwe Adelheid von Stoufenberg, mittel Tochter des Barunen von Stoufenberg…(Это госпожа Адельхайд фон Штауфенберг, средняя дочь барона фон Штауфенберга… Я служу ей с детства… прошу вас, господин фон Остен, спасите нас!)

Голос её дрожит, но в нём звучит что-то протяжное, молитвенное — древний зов о помощи, обращённый сразу и к

человеку, и к небу.

Адельхайд... Классное имя. Есть в нём что-то!

А остальное — хоть бы субтитры включили!

— Wie alt bist du? (Сколько тебе лет?) — неожиданно спрашиваю с любопытством.

Но то ли Анна плохо понимает современный немецкий в моём исполнении, то ли сам вопрос необычен — отвечает не сразу.

Произносит на своей тягучей немецкой полулатыни, робко, но с достоинством:

— Ich han zwenzec jar gesehen, herre. (Я видела двадцать лет, господин.)

— Sie? (Ей?) — киваю на лежащую под термоодеялом Адельхайд.

— Mine frouwe hat zwenzec jar gesehen. (Моя госпожа тоже увидела двадцать лет, господин.)

Понятно. Мы почти ровесники. Устало вытираю пот с лица и, глядя на Анну, протягиваю ей флягу. Говорю по-русски, не рассчитывая, что она поймёт:

— На вот, попей. И ты давай бросай это ползанье на карачках. Лучше ложись спать. Вон, под одеяло к Адельхайд — вдвоём вам теплее будет. Завтра пойдём к вашим… в Кройцбург. Выхода у меня нет. Тут оставаться нельзя. Там, может, сразу не убьют и покормят.

Анна нерешительно берёт флягу. Жадно осушает её почти всю. Застывает, моргая, не понимая ни слова, но в голосе

моём улавливая спокойствие.

Показываю рукой на одеяло, жестом — лечь, укрыться.

Анна непонимающе смотрит на меня.

— Schlafen… (Спать…) — повторяю, приложив сложенные ладони к щеке.

Анна осторожно опускается рядом с госпожой, укрывает её получше, а потом нерешительно, словно боясь нагоняя, залезает под край тёплой ткани и закрывает глаза.

Отворачиваюсь, перемещаюсь подальше от них, понимая, что, несмотря ни на что, девушка меня опасается, что естественно для ментальности и воспитания текущего века.

Грядущий день обещает быть трудным.

Явление в Кройцбурге

Серое утро выползало из тумана, как усталый зверь. Болото дышало паром, хлюпало где-то под слоем прошлогодней травы.

Алексей, дрожа от сырости, вытащил из рюкзака паёк: консервированную кашу с мясом, галеты, концентрат кофе в тюбике, джем. Всё ещё пахло металлом и синтетической фабричной смазкой — запахом XXI века, чуждым этому миру.

Смирнов с сомнением глянул на разложенную перед ним походную снедь. Еда стерильная, калорийная, безопасная для него. Но для них? Для людей XIII века?

С другой стороны, оставить их голодными он не мог. Психологически — нельзя. Практически — тем более. Голодная истерика сейчас никому не нужна. Ещё чесать до Кройцбурга... Да и эта Адельхайд сама идти не сможет. Придётся нести. Пусть и весит она килограмм сорок — пятьдесят… Без экзокостюма не дотащить. Да и вообще, возможно, это последний завтрак. Неизвестно, как их встретят крестоносные обитатели крепости.

Он разложил мини-спиртовку, щёлкнул пьезорозжигом. Тонкий голубой язычок огня заплясал, отражаясь в металлической стенке жестяной банки.

Анна вздрогнула. Она никогда не видела пламя без дыма, рождённое не от кремня.

В свете утра Смирнов выглядел для неё уже не чудом, а человеком. Хотя, конечно, очень странным человеком. Лицо — бледное, не загоревшее, глаза усталые, спокойные. Волосы коротко острижены, а вокруг шеи — гладкая, непонятная ткань, блестящая, будто чешуя. На груди — ремни, металлические застёжки, какие-то маленькие коробочки. За спиной — чёрный продолговатый предмет, похожий на оружие, но не меч и не арбалет.

Она сидела на корточках, наблюдая, как Алексей открывает жестянку ножом, сделанным из металла такой чистоты, что тот казался живым.

Когда он заварил кофе, аромат ударил ей в лицо, и Анна чуть отпрянула — от терпкого, непривычного запаха, похожего на смолу, но сладкого и густого.

Алексей подул на ложку каши, проверил температуру, потом, немного помедлив, поднёс ей. Анна неуверенно взяла, подержала, принюхалась. Запах был мясной, наваристый, но какой-то странный — будто не от каши, а от волшебного варева.

Она вопросительно посмотрела на него снизу вверх. Он кивнул:

— Ешь. Gut…

— Gut? — переспросила она и, решившись, попробовала. Мгновение морщилась, потом осторожно, как недоверчивый

ребёнок, съела ещё ложку.

Он усмехнулся:

— Значит, сгодилось… Кулинарный дебют в XIII веке.

«Хотя у неё желудок средневекового образца — ещё посмотрим, как сгодилось», — подумал Смирнов. — «А вообще девчонка ничего: румяная, щекастая, сисястая, довольно живая. Её бы отмыть, причесать — и вполне себе современная барышня. Госпожа… как её там… фон Штауфенберг, конечно, не столь эффектна. Но, с другой стороны, то, через что она прошла, точно никого не украсит».

Анна пристально следила за каждым его движением. Когда он налил себе кофе и отпил, она спросила:

— Feuer? Nicht Rauch? (Огонь? Без дыма?)

Он показал пальцем на спиртовку, улыбнулся:

— Heißer Spiritus. (Называется спирт.)

Она повторила непонятное слово, как заклинание.

Потом, став увереннее, решила рассмотреть Алексея внимательнее.

Взгляд усталый, не злой. Он казался существом не из этого мира, но и не демоном. Ближе всего — странствующий рыцарь, паломник, только пришедший из Иерусалима, а может, из какого-то иного места. И ещё его непонятная речь. С переменной, текучей интонацией — мягкая, скользкая. Интонация была не злая, и от этого становилось спокойнее.

Анна, не зная, как выразить благодарность, просто прошептала:

— Danke, Herr von Osten. (Спасибо, господин фон Остен.)

— Да не за что, — ответил Алексей, допивая кофе.

Он заметил, что под термоодеялом шевельнулась Адельхайд. Сначала еле-еле, будто ветер шевельнул материю. Потом донёсся тихий стон. Он присел возле неё.

Глаза Алейд приоткрылись — тусклые, непонимающие, сине-зелёные. Зрачки дёрнулись, сфокусировались на нём — и снова поплыли.

— Эй, чумазая… — тихо сказал он. — Ты меня слышишь?

Ответа не было.

Он достал флягу, налил немного воды в крышку.

— Пить. Trinken… (Пить.)

Поднёс воду к её губам, поддерживая голову. Она слабо, по-детски, глотнула.

— Хорошо. Gut, — выдохнул он с облегчением.

Затем размочил кусочек галеты в той же крышке, сделал кашицу. Рука дрожала, когда он поднёс крышку ко рту девушки. Она пошевелилась, ведомая инстинктом. Сделала пару глотков.

Смирнов больше не решился.

«Для начала достаточно. Немного еды», — рассудил он.

Он вытер её губы бумажной салфеткой, проверил дыхание — ровное. На мгновение ему показалось, что она смотрит прямо на него — не понимая, но узнавая тон заботы.

— Отдыхай, — сказал он. — Отдыхай, Адельхайд. Ты в

безопасности.

Она закрыла глаза.

Смирнов решительно встал, проверил заряд экзокостюма — оставалось процентов тридцать. Этого должно хватить, чтобы пройти несколько километров с грузом на руках. Надо выйти на дорогу. Семь километров до Кройцбурга… наверное, не так уж и много.

Он перевёл винтовку в режим «личного оружия». На всякий случай, чтобы никто, кроме него, не смог воспользоваться этим замечательным достижением оружейной мысли.

Оглядел девушек. Анна молча смотрела на него. Ждала команды. В свете утренней зари её лицо было тревожным и сосредоточенным.

— Gehen, — сказал он. — Gehen zu Kreuzburg. (Идём в Кройцбург.)

Склонился над Алейд.

— Ну что, магдебургская дева, поехали!

Аккуратно подхватил её — она была почти невесома. Анна помогла подложить край термоодеяла, чтобы госпоже не дуло в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.